

Влечение к смерти: инстинкт или метафора?

Проблема человеческой деструктивности заняла отдельное место в философском дискурсе лишь в XX веке после выхода в свет поздних работ Зигмунда Фрейда о наличии у человека особого, разрушительного, влечения к состоянию доорганического покоя, в предельном смысле - к смерти. Концепция биологически детерминированного «инстинкта смерти» была призвана стать объяснительной моделью всех форм социального зла на Земле - от алкоголизма и наркомании до насилия и катастрофических войн. Однако избранный австрийским мыслителем натуралистический подход, придававший деструктивности статус биологической нормы, не только не способствовал борьбе с этой проблемой, но и приводил к оправданию «пагубных наклонностей», которые «даже более в природе вещей, чем наша борьба с ними». Поэтому современники Фрейда по большей части отвергали концепцию инстинкта смерти.

Открытие Фрейда, по всей видимости, опередило свое время, поскольку именно в рамках философии постмодернизма оно получило не только признание, но и глубокую проработку. Инстинкт смерти выступает в работах постмодернистов не в качестве природного инстинкта, а как метафора или миф, раскрывающий истину не о биологической, а об антропологической «природе» человека. Сама смерть, воспринимаемая символически, обретает положительные коннотации: будучи не концом жизни, а ее атрибутом, она способствует углублению чувств, усилению интенсивности эмоциональных состояний. Если, к примеру, садизм в работах Фрейда и его последователя Эриха Фромма мыслился как «злокачественная опухоль», от которой необходимо избавить человечество, то уже в работах Жоржа Батая и Жюль Делёза он становится способом трансгрессивного выхода за свои собственные пределы, инструментом самостановления. Так, негативные на социальном уровне феномены обретают на уровне символического мышления положительный смысл, который заключается в стремлении к смерти не физической, а символической.

Подобный подход, в котором разрушение выступает не как цель, а как средство, позволяет выйти из теоретического тупика, в котором оказался Фрейд, и утверждает возможность решения проблемы человеческой разрушительности.

